

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов к читателям книги	i
--	---

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

Огненный Ангел и Последний Спутник	7
Из заметок о стихах Брюсова	18
Движущийся ребус. <i>Эпизод из переписки Валерия Брюсова</i>	31
Неизвестное письмо Брюсова к Бальмонту	45

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

Вячеслав Иванов в Италии: 1892–1901	51
Флоренция в судьбе Вячеслава Иванова и его близких	61
К биографии Л.Д. Зиновьевой-Аннибал	69
Два альбомных стихотворения Вяч. Иванова	73
Об одном стихотворении на случай	83

ЗИНАИДА ГИППИУС

Письма Зинаиды Гиппиус к В.Д. Комаровой	91
Письма Зинаиды Гиппиус к В.Ф. Нувелю	123
Цензура, автоцензура и редакция: Зинаида Гиппиус в «Современных записках»	166

СЕРГЕЙ КРЕЧЕТОВ И ЕГО АДРЕСАТЫ

Сергей Соколов и Сергей Кречетов: литератор и политик	179
Письма С.А. Соколова и Л.Д. Рындиной Ф. Сологубу и Ан.Н. Чеботаревской ...	194
Письма С. Кречетова к И.А. Бунину	291

ГАЗЕТА «ЖИЗНЬ» И ЕЕ АВТОРЫ

Почему именно эта газета?	333
Газета «Жизнь»: политическая позиция	338

Литературный отдел газеты «Жизнь»: персоны, идеи, полемика	355
Газета «Жизнь» и ее сотрудники: стратегии выживания	369
Сергей Ауслендер материалы к биобиблиографии 1918 года	381
Незамеченный отклик на «Двенадцать»	397
О достоверности мемуаров русской диаспоры	403

ПО РАЗНЫМ ПОВОДАМ

Человек серебряного века: попытка персонологической характеристики	415
Приложение	424
Символистское житнетворчество как развлечение	440
Писательский дневник как тип повествования	449
Другой Толстой. <i>Писатель глазами русских символистов</i>	471
К литературной истории 1910 года	481
Э.К. Метнер и А.Н. Шмидт	491
Приложение 1	501
Приложение 2	503
Вокруг одного экземпляра редкой книги	507
Письма А.А. Смирнова к В.Ф. Нувелю	517
Указатель имен	530

ЧЕЛОВЕК СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: ПОПЫТКА ПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Если мы будем считать, что термин «серебряный век» после всех сомнений разнообразных ученых все-таки пригоден для употребления, и согласимся во мнениях о его границах разного рода, от хронологических до содержательных, то одной из последующих задач должна будет стать характеристика не только его вершин, но и того, что можно было бы условно назвать «уровнем моря»: людей, к которым обращались Бальмонт и Блок, Сологуб и Волошин, Кузмин и Вяч. Иванов, рассчитывая на благодарный отклик. При этом сами люди такого типа не относятся к числу законодателей и творцов, отмеченных культурой. За последнее время появилось довольно много сборников и статей, посвященных тому, что издательство «Водолей» определило названием своей серии – «Малый серебряный век». Книги описанных или хотя бы упомянутых Георгием Ивановым в его псевдомемуарах поэтов Александра Тинякова и Алексея Скалдина, Алексея Лозина-Лозинского и Соломона Барта, известных по другим источникам Анны Радловой и многофамильной Паллады, Вениамина Бабаджана и Александра Штиха, Вадима Гарднера и Николая Позднякова, Нины Оболенской-Хабиас и Анатолия Фиолетова, Муни и Натальи Кугушевой да и многих других уже стоят на полках. Кое-кто из выпустивших в серебряном веке и ближайшем к нему времени книги остается в почти полном забвении, и о них пишут исследователи (среди которых в последнее время отметим серию блестящих статей «Летейская библиотека» в Живом журнале пользователя [lucas_v_leyden](#)¹⁾: Ольга Черемшанова и Борис Нелепо, Фейга Коган и Юрий Деген, Сергей Гедройц и Александр Диесперов, Владимир Орт и Виктор Стражев, Михаил Лопатто и Анатолий Пучков-Среbrный, Николай Поздняков (другой!) и Виктор Поляков, Александр Ланг и Николай Поярков, Михаил Долинов и Михаил Струве, Георгий Маслов и Анатолий Наль – такой список можно было бы длить еще достаточно долго. Кое-что мы знаем и о людях такого же типа, подвизавшихся в других искусствах: о «маленьких актрисах» (от «подруги поэтов» Ольги Глебовой-Судейкиной до студийцев Мейерхольда), о танцовщицах-босоножках, хотя бы из студии Э.И. Рабенек, о полузабытых художниках уровня Феофилактова и ниже, о музыкантах, начиная с композитора «Бродячей собаки» графа О'Контрер.

О них нам известно, конечно, далеко не всё, что хотелось бы, но можно, однако, собрать произведения и первоначальные биографические сведения, мемуарные свидетельства и рецензии из газет и журналов, кое у кого сохранились архивы. Значительно сложнее обстоит дело с теми, кто вообще практически никак не проявился в печати. Как ни пытался Муни скрыться под разными псевдонимами, все же его стихи и рецензии были замечены хотя бы теми, кто

пристально читал воспоминания Вл. Ходасевича. А вот открытие личности Евгении Муратовой, «Царевны» из стихов того же Ходасевича, которую можно было различить только в чужом свете, стало задачей гораздо более трудной, и виртуозная работа И. Андреевой заслуживает всяческого внимания². В общем плане стоит прислушаться к суждению А.Ю. Арьева: «Можно было бы составить “Алфавит людей ‘серебряного века’”, подобный “Алфавиту декабристов”», но вряд ли можно согласиться со следующей его фразой: «Перечень оказался бы не слишком длинным»³.

На самом деле подобного рода биографий, хотя бы самого общего порядка, должно было бы быть много. Вот, например, запись Брюсова в дневнике от 26 ноября 1895: «Вечер<ом> я с Курс<инским> у Дубровской. Там множество курсисток и студентов. Спорил я, конечно, о символизме, читал тысячи стихов – неудивительно, что все обомлели, слушая мою философию эготизма. Впечатление было страшно. Но что было удивительно – это маленькая курсисточка, фамилии которой я не знаю: я видел ее и прежде в Румянцовск<ом> музее, и теперь она трепетала под моими взглядами как птичка. Когда ж я заговорил с ней о том впечатл<ении>, которое она произвела на меня, о ее символических глазах, – она разразилась истерическими рыданиями». И потом 26 февраля следующего, 1896 года: «Та юная курсистка, которая упала в обморок, когда я читал свою «Летучую мышь» (см. прошлую тетр<адь>), – бросилась под поезд на Брестском вокзале. В пятницу ее схоронили. Жаль, что я не был знаком с нею ближе»⁴. До известной степени эта несчастная безвестная курсистка является одной из ярчайших характеристик раннего русского символизма, несколько не менее яркой, чем Нина Петровская или Надежда Львова для времени более позднего. Но о них мы знаем довольно много, а она так и канула в бездну забвения.

Мы предлагаем вниманию читателей характеристики двух людей серебряного века, представляющихся нам показательными в разных отношениях, но в общем выразительно обрисовывающих тот тип читателя, слушателя, свидетеля, собирателя, немного грешащего собственными литературными упражнениями, поклонника известных поэтов и т.д., явственно вписывавшихся в питательную среду, дававшую возможность цвести русскому серебряному веку.

Первый из них напечатал, кажется, всего одну подборку из четырех стихотворений в «Золотом руне» 1909 г., то есть когда журнал уже дышал на ладан и почти не привлекал внимания читателей⁵. Второй отметился еще менее значительными публикациями: два сонета и статья о Бодлере в провинциальном сборнике 1920 г., еще одно стихотворение в малоизвестном журнале в 1922 г. И писали о первом не в пример больше: он неоднократно фигурирует в дневнике М. Кузмина, опубликована его переписка с Кузминым с довольно подробными комментариями, а также большая статья крупнейшего знатока литературы конца XIX и начала XX века А.В. Лаврова; второй же остался вовсе в небрежении: его несколько раз упоминает В.П. Купченко в летописи жизни и творчества М.А. Волошина, да еще среди пародий на стихи Мандельштама было напечатано его стихотворение с искаженной фамилией и пометой: «Автор не идентифицирован»⁶. Если даже публикаторы, специалисты высшей

квалификации, поступили так, то у нас есть все основания предположить, что сочинитель действительно остался неведомым.

Первого звали Владимир Владимирович Руслов, он был сыном врача, в московских справочниках 1914–1915 г. значился чиновником Казенной палаты, а в 1916–1917 – сотрудником коммерческой службы Правления Александровской железной дороги и членом Московского отделения Императорского Русского технического общества. После этого его фамилия из «Всей Москвы» пропадает. 1 сентября 1907 года Кузмин записал в дневнике: «Дягилев <...> [р]ассказывал про гимназиста Руслова в Москве, проповедника и *casse-tête*...»⁷, через два месяца завязал с ним переписку, очень активную с ноября 1907 по февраль 1908 г.⁸ Интенсивность и кажущаяся ценность ее были настолько значительны, что в конце 1908 г. Кузмин даже записал в дневнике: «Письмо от Руслова, предлагает мне издать нашу переписку»⁹. Тогда же, в 1908 г., Руслов познакомился с И. фон Гюнтером и был у него в Митаве¹⁰. Однако когда Руслов приехал в Петербург и прожил там осень 1909 года, никаких добрых отношений с Кузминым у него не сложилось. Судя по всему, он вернулся в Москву и на какое-то время исчез из виду. Вновь на некоторое время он оказывается в поле зрения Кузмина в 1924 году, когда устраивает его вечер в московском кабаре «Синяя птица», а попутно два «чествования» на квартирах у С.А. Ауслендера и братьев Петровских¹¹. Однако уже в этом году он (тогда служивший в Госиздате) писал Кузмину об изменении даты вечера: «...из-за вообще скверного настроения, царящего сейчас в Москве, как среди вообще москвичей (причина – безденежье и аресты), так и среди ”наших”, которые, как Вам, вероятно, самому известно, пугливее газелей пустынь, а потому все они, напуганные здешними настроениями, находятся в прострации...»¹². В том же году приветственное стихотворение ему пишет Вяч. Иванов (см. выше, статью «Об одном стихотворении на случай»).

Судя по всему, вскоре после этого Руслов подвергся аресту, а потом высылке. 14 ноября 1926 г. он сообщал М.А. Цявловскому в подробном письме, на которое мы и далее не раз будем ссылаться: «...я являюсь силой “высших, от меня не зависящих обстоятельств” прикованным к Тифлису...»¹³. Изгнание совершилось в мае 1925 г., какое-то время он служил управляющим делами тифлиского отделения Совкино, сотрудничал в местной газете «Звезда Востока» и издал небольшую книжку неизданных стихотворений Блока, которые ныне признаны фальсификацией¹⁴. В июне 1929 г. он снова находится в Москве. Согласно беглой записи в архиве Е.Ф. Никитиной, умер в Москве 19 ноября этого года.¹⁵

Второго нашего героя звали Марк Яковлевич Возлинский. 26 июня 1922 г. он писал о себе М.А. Волошину (собственно говоря, большая часть имеющейся у нас информации восходит именно к этим письмам): «Недоучившийся филолог, почти 35 (!) лет, до 34 живший в дрянной (ей-Богу, дрянной) провинции и занимавшийся: философией, стихологией, эстетикой, музыкой (скрипка), петрографией (страшно люблю цветные камни), службой конторской, писанием стихов, думами об одиночестве, мыслями о мудрецах и мудрости...»¹⁶. Нам известны два его стихотворения и ученическая статья в альманахе,

о котором он вспоминал также в письме к Волошину: «Вы, вероятно, забыли: в августе 1920 г. к Вам заезжала студентка Розенберг из Екатеринослава, которой Вы дали стих. “Неопалимая Купина” для сборника. Дело в том, что в то время в Екатеринославе группа студентов университета задумала периодический альманах. Я жил там и был близок к этому делу. Первый № был издан, а затем дело погребло, – очередная смена властей произошла. В первом № на 1 стр. напечатана Ваша “Купина”. Альманах этот (“Вершины”) недавно, по моей просьбе, прислан мне сюда из Екатеринослава»¹⁷. Вторая публикация – в журнале «Рупор», 1922, № 3. Судя по письмам Возлинского, редактором этого малоизвестного журнала был Андрей Соболев, с которым наш герой приятельствовал (по его же словам). Планов на публикации там было много больше, но осуществился лишь этот.

В феврале 1923 г. Возлинский отправил Волошину последнее письмо, и далее мы никакими определенными сведениями о нем не обладаем¹⁸. Всемогущий интернет подбросил единственную ссылку на какую-то (не обозначенную) радиопередачу: «Газета “Радиопрограммы” 29 апреля 1937 года написала: “Из исполнителей следует отметить прекрасное чтение Абдулова – Мельника и отличную передачу роли дочери Мельника – Русалки Зинаиды Райх. Впрочем, в последнем монологе Русалки (“С той поры как бросилась...”) звучит некоторый избыток декламации, за счет чувства”. 29 апреля, через пять дней после премьеры, Мейерхольд читает эту заметку М. Возлинского и звонит в редакцию литературно-драматического вещания по поводу повтора “Русалки” в эфире»¹⁹. Действительно ли это тот самый Возлинский, или какой-то другой, установить пока не удалось.

Однако и тех данных, которые у нас имеются об обоих людях, все же довольно, чтобы создать в общем достаточно внятную картину. Начнем с М.Я. Возлинского. Его письма к М.А. Волошину, все укладываемые в промежуток менее года – с 8 апреля 1922 по 4 февраля 1923, – содержат вполне внятную исповедь типичного представителя серебряного века.

Наиболее подробно и содержательно последнее письмо, которое процитируем в достаточно большом объеме, поскольку оно чрезвычайно выразительно рисует тот как будто эклектический круг интересов, вкусов и пристрастий одного из типов: «...маленькое местечко литовское; нищета и убожество; полное отсутствие руководства старших; полная предоставленность самому себе <...> с 12 лет добывание средств уроками <...> потом с 15 лет – “экстерничанье” – всё в той же дыре – местечке; потом с 18 лет – жизнь в другой яме (Витебск, города Екатеринославской губернии, Луганск) и жизнь “самостоятельная” на уроки, на корректуру, на какие-то фельетоны, театральные, музыкальные (помилуй Бог!) рецензии, или приказчиком в книжной лавке, в плохое время, с перманентным недоеданием и голоданием; и все “экстерничанье”, занятия, экзамены, чтение, чтение без плана, без системы, – 3 месяца сиденья над изучением петрографии, бросок – к Гюйо, к Эмерсону, к Достоевскому, к Влад. Соловьеву, к Ницше, потом – музыка: ночи напролет над Амбросом, Гансликом и другими философами музыкально-прекрасного, потом от Геккеля к Гельмгольцу, от Гамсуна к Байрону, опять Пушкин, Шопенгауэр, Гете с его му-

дростью (моей любимой), Данте, Лермонтов, Уайльд опять, Уитман, Эдг. Поэ, Паскаль, Мишле, Ром. Роллан, потом ночи напролет над поэтикой, Потебней, Веселовским, философией и психологией творчества, потом Вагнер, Геббель, Берне, Гейне, Демель, Геффдинг, Овсянко-Куликовский, Джемс, Вольтер, Лансон, Макс Нордау (я сидел одно время специально над вопросом о психо-физиологии гения и таланта); потом изучение вопроса о человеческ<ой> глупости; потом меня перебрасывало опять к Гомеру, к Сафо; потом переваривал Мальтуса, Нити; потом хватался за “воспитание” и сидел недели над Шопенгауэром, Эллен Кей, Палантом, Дюга, Айхенвальдом, Lyttelton etc, потом упивался Флобером, книгами, мыслями, письмами, тут же садился за статью о Флобере и непременно на французском языке, которого не знаю и который поэтому брался изучать; потом вновь штудировал вопросы стиля, методики творчества, природы лирики, толкования художеств<енного> произведения; потом глотал Лессинга, влюблялся в Бодлэра, Метерлинка, писал статьи; потом сидел над историей культуры, историей искусства, историей религии, историей танца (специально!), слушал музыку, симфонич<еские> концерты, горел, мотался и метался, играл сам (скрипка), писал вальсы, влюблялся, потом опять за “Критику чистого разума”, за Л. Шестова, потом изучал историю романа, потом историю эпоса, потом составлял что-то о былинах, о “трагедии”, потом уходил от всего, окружал себя Буниным, Ал. Толстым, Брюсовым, Волошиным, Фетом, Тютчевом <так!>, Меем, Бальмонтом, Минским, Некрасовым, Пушкиным, Лермонтовым, Лонгфелло, и целыми неделями читал-читал одни стихи, потом брался за этику, логику, психологию, писал что-то о “праве и морали”, об “эстетической культуре” и “игре”, потом уходил в Вальтер Скотта, потом ходил по всем закоулкам и отыскивал мировую мудрость и запикивал в свой бездонный и дырявый (общая участь человеческой памяти!) мешок все, что останавливало на себе мое внимание – драгоценные камни духовного цветения, фантазии, мысли, игры (Шопенгауэр, Гете, Ницше, Эмерсон, Сенека, Марк Аврелий, Платон, Соломон, и Господи – кого еще), переходил к Т. Гофману, ко всякому сатане, уставал и отдыхал на Петере Альтенберге, или уходил в лес, или шел в синагогу, слушал молитвы старые и мудрые, пахнущие папирусом, особым запахом торы...»²⁰.

Не будем специально подчеркивать, что именно здесь является общим для вкусов и пристрастий серебряного века (хотя бы самое начало – Достоевский, Владимир Соловьев и Ницше), а что сугубо индивидуально, – все это совершенно естественно. Но отметим способ мышления перечислениями, списками. За пятнадцать лет до Возлинского в такую же игру с Русловым играет Михаил Кузмин, перечисляя в одном письме, чего он не любит (молочных блюд, золота и бриллиантов, Бетховена, синего и голубого цвета, игру в шахматы и сырых овощей), а в другом – что любит (Уайльда, Рабле, Моцарта, военный оркестр на воздухе, кошек и павлинов и спать под мехом без белья)²¹. Списками другого рода, коллекционерскими, оперирует и сам Руслов в письме к М.А. Цявловскому: «...посылаю Вам заказной бандеролью маленький Тифлисский гостинец – брошюрка, изданная здесь в 1920 г., о Теплякове, его имя не чуждо имени Пушкина и потому, хотя сама по себе она и несерьезна, место

ей в Вашей Пушкиниане; думаю, что в Москве нет ни одного экземпляра этой брошюрки. Нашел здесь кое-что занятное по Пушкину и из старых изданий, и из времени отсутствия связи Грузии с Россией, – это: 1) Никогда еще до сих пор не напечатанные анекдоты про А.С. Пушкина, собрал З.В. Вазарин. Тифлис, 1917 г. 2) Егорашвили. Две революции (Медный Всадник Пушкина и 12 – А. Блока), Тифлис, 1923 г. 3) № 1 журнала “Ars” за 1919 г. со статьей Харазова “Сон Татьяны” (опыт толкования по Фрейдю), Тифлис, 1919 г. 4) К. Бегичев. Пушкин на Кавказе (1799–1899 г.г.). Тифлис. 1899 г. 5) Кавказская поминка о Пушкине, составлена Вейденбаумом и Величко, изд. газеты Кавказ. Тифлис, 1899 г. 6) Гаевский. Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения, оттиск из “Современника” за 1863 г. Из автографов Пушкина здесь ничего не слышно, хотя я полагаю, что таковые здесь, ввиду пребывания Пушкина и в самом Тифлисе и вообще на Кавказе должны были бы быть. Вместо Пушкинских автографов нашел здесь автограф Чайковского – романс “Ночевала тучка золотая”, целиком написанный его рукою с посвящением и подписью с датой...»²²

Как кажется, в этих перечислениях выявляется тенденция, характерная для начала интересующей нас эпохи, то есть для 1890-х и 1900-х годов, – стремление как можно шире забросить сети, чтобы потом иметь возможность выбрать то, что так или иначе будет организовывать все искусство в его дальнейшем развитии. В пределе тут должно лежать представление о том, что в 1910 году описал Вяч. Иванов: «Пафос первого момента составляло внезапно раскрывшееся художнику познание, что не тесен, плосок и скуден, не вымерен и не исчислен мир, что много в нем, о чем вчерашним мудрецам и не снилось, что есть ходы и прорывы в его тайну из лабиринта души человеческой, только бы – первым глашатаям казалось, будто все этим сказано! – научился человек держать и “быть как солнце”, забыв внушенное ему различие между дозволенным и недозволенным, – что мир волшебен и человек свободен»²³. Конечно, здесь необходима оговорка, что для людей подобных тем, о которых мы говорим, то есть не для творцов, подобное сознание было ограниченным и реализовывалось только на низших уровнях жизнестроительства, на уровнях освоения предшествующей культуры и первичной ее классификации.

Второе, что следует отметить, – пристальный интерес к культуре, так или иначе связанной с модернизмом, при этом довольно безразборчивый. Вот два характерных фрагмента. Возлинский о визите к Анастасии Цветаевой: «...она только стихи Марины Ив<ановны> читает и любит, а мне этого вообще мало: а Вы? а Ахматова? а Ходасевич? а Асеев?»²⁴. Напомним, что Ходасевич и Асеев в это и чуть-чуть более позднее время осознают себя как непримиримые враги не только с точки зрения идеологической, но и как поэты²⁵. Единственно, кто не вызывает особенной симпатии, – имажинисты, проецирующиеся на крайний футуризм: «Настроение такое, что требуется вновь здоровое, на понятном русском языке, без скандала, без вывертов, без трюков, без желтых кофт и облаков в штанах. Читатель сильно “поправел” (если все эти Шершеневичи, Мариенгофы, Кусиковы и tutti quanti – “левые”), и ярлыков ему уже не надо»²⁶. И Руслон следом за пушкинианой и автографом Чайковского перечисляет редкости из своей современности: «...множество автографов Баль-

монта; неизвестное стихотворение Брюсова 1896 года, автограф, посвященный какой-то здешней даме; интересное письмо Гумилева; и, наконец, три письма на литературные темы Блока, но последние недостижимы из-за черберства их теперешнего владельца»²⁷. Да и в переписке с Кузминым он явно выпрашивает (а возможно, даже и покупает) его автографы – окончание «Картонного домика» и почти цельный цикл «Мудрая встреча», а был обещан еще и «Вожатый». В 1917 г. он пишет жене Брюсова, Иоанне Матвеевне: «...я уже давно собираюсь заехать к Вам <...> чтобы выкупить у Вас обещанных Вами портретов Пушкина работы Сомова <так!> (Вы, надеюсь, не забыли про это?) и взять тетрадь со своими стихотворениями, которые Валерий Яковлевич уже давно, наверное, проглядел и весьма сурово раскритиковал, а также и свой альбом для автографов, куда Валерий Яковлевич хотел что-нибудь начертать, и мой экземпляр “Семи цветов радуги”, тоже оставленный мною для подписи Валерием Яковлевичем»²⁸. Столь же настойчиво и Возлинский просит у Волошина письма, стихи, даже акварели.

Но стоит отметить, что как только речь заходила о художественных явлениях, явно выходящих за границы серебряного века (конечно, в том представлении, которое складывалось о нем у Руслова и Возлинского, а они, без сомнения, различались), характеристики этих явлений лишались почтительности и становились временами очень резкими. Так, Возлинский описывает Волошину московскую литературную жизнь в подробностях не только почти официальных (что выходит, что не может по каким-то причинам осуществиться, что планируется и пр.), но и в интимно ставших ему известными: «Читаю на прошлой неделе в “Известиях” объявление: выходит № 1 журнала “Возрождение” – авторы: Зайцев (!), Василий Каменский (на днях держал экзамен в Политехническом музее на гения! Честное слово. Публично! Так гласила афиша), Шебуев и т.д. и, между прочим, Макс Волошин. А рядом: “будет помещена трилогия и роман Н. Ярославцева”. А надо Вам знать, что этот Ярославцев безграмотнейшая личность, бывший цирковой атлет и теперешний спекулятор. Он пишет романы, с ударением на рó. Он же хозяин предприятия. С ним я познакомился случайно. Думали мы, чтобы он дал денег, коих у него много, а мы – группа тут, – издали что-нибудь порядочное, привлекиши кого надо. Но оказалось, что Ярославцев хочет непременно поместить свои романы. От такого соседства мы – люди маленькие, неизвестные, – поспешили подальше. С другой стороны, Вы – настолько крупное имя, что Вам, пожалуй, не страшно никакое соседство»²⁹. Руслов же выплескивал свою накопившуюся злость на тифлисских литераторов: «Вообще здесь царит самый махровый национализм, в самом дурном смысле этого слова, и ненависть к России и русским страшная; сами же грузины в большей своей части глупы, грубы и наглы, самомнение необычайное, Тифлис – это пуп земли и центр мировой культуры. Все мировое искусство и в подметки не годится грузинскому. Диапазон такой: у художников грузинских – вот Веласкез был, а теперь я; поэты – была божественная комедия Данте, а теперь я создал поэму; когда-то Шекспир создал мировую драму, а теперь наш... какой-нибудь “швили” написал трагедию, которая даже лучше Шекспира... Не думайте, что преувеличиваю, ни на иоту, а если Вы скромно

начинаете отстаивать Шекспира или Данта, то на Вас лезут с кулаками. Поголовная мания величия!»³⁰

Ну и, наконец, стремление самим вписаться в литературу, хотя бы самое невинное, выглядит почти обязательным. О реальных публикациях мы говорили выше, но готовились и обсуждались другие. Возлинский отправлял Волошину свои стихи, и даже получив решительно отрицательный отзыв, который нам неизвестен, не отчаялся и продолжал писать. О Руслове в крошечной биографической заметке, основанной, судя по всему, на его собственных словах, сказано, что он работал (а не просто сотрудничал) в «Золотом руне» и других дореволюционных изданиях, а также много переводил с итальянского, что никак не подтверждается реальностью³¹. Даже предполагая, практически будучи уверенным, что стихи не понравятся, он оставляет у Брюсова тетрадь, ничтоже сумняшеся посылает стихи для планировавшегося Ф.И. Витязевым (Седенко) сборника о книге, утверждая: «Не знаю только, насколько эта его вещь <стихотворение Марка Тарловского “Тоскуя”> подойдет для Вашего сборника, ибо оно написано не вполне на тему <...> Смею думать, что с моим стихотворением этого не случится»³². Возлинский, судя по всему, был почти уверен, что внимания современников заслуживают хотя бы его пародии. В них и на самом деле есть некоторый интерес, но интерес скорее исторического порядка – как могли воспринимать ту или иную систему поэтики современники.

Как нам кажется, даже такой беглый рассказ о двух людях русского серебряного века позволяет начать разговор о специфике этой категории в антропологическом аспекте. Довольно бросить даже беглый взгляд на деятелей эпохи, чтобы отчетливо осознать: ни социальные, ни национальные, ни религиозные, ни философские, ни политические, ни гендерные, ни сексуальные характеристики не являются определяющими для принадлежности или непринадлежности человека к данной категории. Такая принадлежность выявляется прежде всего в деятельности, в особой реакции на жизненные и художественные явления эпохи, которую мы называем «серебряным веком». Деятельность может быть творческой или, если можно так выразиться, рецептивной³³, но она непременно должна обнаруживать способность человека свободно дышать тем воздухом, который составлял суть эпохи. В известной статье Вл. Ходасевич говорил о воздухе эпохи символизма, мы можем достаточно ответственно говорить об эпохе серебряного века. Но в любом случае устройство конкретных органов дыхания, равно как и конкретный состав интересующей нас атмосферы еще должны быть тщательно изучены.

В п е р в ы е : L'unité sémantique de l'âge d'argent / Modernités russes 11. Lyon: Centre d'Etudes slaves André Lirondelle; Université Jean Moulin, 2011. P. 33-45.

¹ С тех пор, как этот раздел был написан, значительная часть этих работ появилась в печати. См.: *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. I: Биографические очерки. М., 2013. Второй, не менее интересный и важный том (*Соболев А.Л.* Летейская библиотека. II: